

Рецензии

Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока.

Россия, Китай и другие страны Азии.

М.: Памятники исторической мысли, 2008. 624 с.

Недавно вышедшая работа директора ИДВ РАН, академика М.Л. Титаренко не обманула ожиданий научного и экспертного сообщества. И хотя в предисловии говорится, что появление книги связано с "уточнением и... исправлением возникших в ходе работы идей и прогнозов" (С. 7), перед нами объемное, комплексное исследование международных проблем Восточной Азии и российской политики в этом регионе. Книга тематически продолжает серию монографий, созданных и опубликованных М.Л. Титаренко с 1998 по 2006 гг., прежде всего таких, как "Россия лицом к Азии" (1998), "Китай: цивилизации и реформы" (1999), "Россия. Безопасность через сотрудничество: восточно-азиатский вектор" и "Китай — Россия 2050: стратегия сразвития" (2006), написанная совместно с членом-корреспондентом РАН Б.С. Кузыком. По ширине охвата проблем, уровню их систематизации и анализа, стилистике и многим другим параметрам рецензируемое исследование можно смело ставить на самую верхнюю строчку "интеллектуальных рейтингов" гуманитарных работ этого направления.

Монография органично объединяет шесть крупных проблемно-тематических блоков: 1) геополитическую и цивилизационную основу азиатской политики России; 2) мирное возвышение Китая; 3) российско-китайские отношения; 4) проблематику АТР; 5) отношения в "треугольнике" Россия—Индия—Китай; 6) проблемы Корейского полуострова. Подобная структуризация позволила, с одной стороны, выдвинуть для обсуждения важный теоретический посыл, основанный на евразийско-философской тематике. С другой — поднять вполне конкретные, практические вопросы текущей международной политики, российских интересов в Восточной Азии и, прежде всего, отношений нашей страны с

великим Китаем. Через призму китайской тематики автор затрагивает острейшие вопросы 30-летнего опыта реформ в КНР, их специфики, а также реальных и мнимых вызовов и угроз для России в Восточной Азии, будущего и настоящего российского Дальнего Востока и Сибири и многое другое.

Теоретический дискурс. В российском общественно-политическом сообществе евразийская тема всегда занимала особое место, что было связано с цивилизационными, историческими и географическими особенностями нашего государства, являющегося носителем и западных, и восточных традиций. Сегодня сюжеты вечного спора западников и славянофилов возрождаются в трактовках, диктуемых XXI веком.

Являясь одним из разработчиков концепции *нового евразийства* и продолжателем классической *теории евразийства* XIX — начала XX вв. (В.И. Вернадского, Л.Н. Гумилева и других выдающихся русских ученых), автор в ряде своих предшествующих работ уже обращался к данной теме. Так, М.Л. Титаренко разработал понятие "феномена новой Евразии" XXI в. с позиций синтеза опыта цивилизаций, а также определил страновые, региональные и глобальные измерения *нового евразийства*¹. Рецензируемое исследование стало на этом пути новой, особой вехой, ибо в нем выделяется и обосновывается базовый методологический принцип *нового евразийства*, базирующийся на трех ключевых характеристиках этого явления: 1) транснациональном характере форм существования субъектов и объектов евразийства; 2) усилении процессов самоопределения этно-национальных культур в современную эпоху и сохранении их особенностей как реакции на глобализационные процессы; 3) наличии механизмов для "симфонизации культур" (С. 84). Причем учет дан-

ной группы характеристик в том или ином международном контексте (внешнеполитическом, культурологическом и пр.), как справедливо замечает автор, представляет собой серьезную идеологическую альтернативу сплошной вестернизации (американской версии глобализации), которую пытаются осуществлять определенные силы, используя свое доминантное положение в экономическом, политическом и военном отношениях (С. 84—85).

Таким образом, автор вводит в научный оборот ряд методологических параметров с целью обеспечения адекватного анализа современной азиатской геополитики РФ и российских интересов в этом регионе через призму евразийской теории. В широком смысле слова евразийская стратегия России связана с поиском оптимальной парадигмы отношений с большими и малыми странами Центральной, Южной Азии, Среднего Востока и Восточной Азии, развитием интеграционного, экономического и военно-политического сотрудничества. И по всей видимости, «евразийская зона» российских интересов всегда будет оставаться ключевой и приоритетной для России, особенно на китайском и центрально-азиатском (СНГ) направлениях.

Философия и культура Китая. Другой философско-теоретический посыл, также представленный в теоретическом разделе книги, связан с проблемой современных интерпретаций процессов формирования восточных политических систем, а также учета роли и места традиций в современной политической культуре Китая.

Анализируя традиционные философские доктрины средневекового китайского общества, М.Л. Титаренко отмечает, что помимо конфуцианства в национальном самосознании Китая были закреплены и другие мировоззрения, обретшие особое звучание именно в цивилизационном плане. Особенно это было свойственно концепции *дэ чжи*, то есть идее гуманного правления, обосновывающей синергию политики, нравственности и гуманности. Автор подчеркивает, что принципы *дэ чжи* помогают понять внутреннюю логику восточных общественно-политических систем и моделей с позиций демократии, а не теократии и тоталитаризма, которые предлагаются западному (современному) читателю в качестве основной версии политической традиции Востока (С. 85—86).

В этом же блоке говорится, что совре-

менная китайская действительность сконцентрировала в себе наработки колоссального духовного опыта тысячелетий, умения воспроизводить духовные ценности на коллективном уровне. Открытие подлинного лика китайской цивилизации помогает России и другим странам прояснить ряд азиатских черт в собственной духовной культуре. Так, гуманизм (человеколюбие) как качество русской духовности первоначально имел широко разветвленные азиатские корни. Идея человеколюбия и основанная на ней гармония отношений между людьми — эти фундаментальные мировоззренческие ценности являются общими и для российского евразийства, и для национальных идеологий ряда азиатских государств (С. 116).

Важными теоретическими компонентами книги являются освещение и оценки автором вклада видных современных китайских политиков в «теорию социализма и развития» — бывшего руководителя Китая Цзян Цзяминя (теория «*трех представительства*») и нынешнего председателя КНР и Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао — «*научная концепция развития*», официально объявленная основой построения в Китае гармоничного социалистического общества. Концепция развития содержит новые акценты, в частности, отход от дискретных экономических задач и переход к комплексной политике, которая во главу угла ставит «человека как основу основ» и требует всестороннего гармоничного и устойчивого развития (С. 215). Автор подчеркивает, что «научная концепция развития» — это системный взгляд на возникшие в ходе проведения политики реформ и открытости проблемы, продуманная реакция ЦК КПК на дальнейшую стратегию и тактику развития КНР (С. 216—217).

Официальные доктрины создаются и развиваются не искусственно и изолированно, а на фоне широкой дискуссии среди китайских ученых и экспертов по поводу сроков, конкретного содержания и основных приоритетов строительства социализма с китайской спецификой. Эпицентром такой дискуссии, как отмечает М.Л. Титаренко, стала проблема соотношения «социализма» (*шэ*) и «капитализма» (*цзы*) в современном Китае. XVII съезд КПК подтвердил тезис о том, что построение социализма с китайской спецификой связано с выполнением трех «великих исторических задач»: 1) осуществлением модернизации;

2) завершением воссоединения Родины; 3) защитой мира во всем мире при стимулировании совместного производства (С. 218).

Экономические реформы КНР. Центральная проблема любой экономической политики — проблема экономического роста. Экономическим вопросам развития Китая в книге уделено большое внимание. Суммируя идеи автора по вопросам 30-летнего опыта экономических реформ в КНР (С. 155—162; 162—176; С. 208—223), условно можно выделить три тезиса для их дальнейшего обсуждения или интерпретаций.

Во-первых, это тезис о повышении конкурентоспособности китайской экономики на международном рынке через дальнейшее реформирование внешней торговли и создание экономики “открытого типа”. В условиях воздействия мирового финансового кризиса этот процесс имеет свою специфику. Тем не менее, реформирование порядков и условий внешнеэкономической деятельности в Китае позволило избежать неконтролируемой либерализации валютных операций, которые в странах СНГ и Восточной Европы, как известно, привели в условиях гиперинфляции к вытеснению национальных валют и изменению денежной структуры сбережений в пользу иностранной валюты.

Во-вторых, положение о том, что темпы экономического роста сами по себе не способны обеспечить устойчивое развитие страны и разрешить нарастающие социально-экономические противоречия. В условиях финансового кризиса экспортоориентированная модель развития Китая будет существенно меняться. Очевидно, что при сокращении китайского экспорта на американском, европейском и азиатском направлениях в стране будет повышаться внимание к развитию внутренних рынков, собственным инновациям, а также к стратегии неоиндустриализма, которая подразумевает использование интенсивных факторов роста, формирование “новой экономики”, базирующейся на знаниях и национальном инновационном хозяйстве.

В-третьих, утверждение необходимости серьезной проработки вопроса об оптимальном сочетании политики этатизма (степени участия государства в экономике) и рыночных механизмов в развитии постиндустриального общества. Реформа системы собственности — не самоцель, а скорее метод. Изменения в системе собственности будут и далее происходить при важ-

нейшей регулирующей роли государства. Проблема заключается в том, какая стратегия в конечном счете возобладает в долгосрочной перспективе. Можно ли говорить о перспективах полной либерализации Китая и встраивании его в мировую рыночную систему или же о сохранении баланса (компромисса) между государственным (социалистическим) этатизмом и либеральным проектом? Автор подводит к выводу о том, что этатистские тенденции, с учетом опыта нейтрализации воздействий кризиса, в китайской экономике будут усиливаться.

Международная проблематика, связанная с анализом российско-китайских отношений, представлена М.Л. Титаренко в широком спектре. Следует выделить три ее наиболее крупных блока: 1) глобальный; 2) региональный; 3) двусторонние отношения.

Одна из особенностей современных глобальных процессов — формирование новой структуры международных отношений. Причем, как пишет автор, Россия и Китай играют роль активных участников этого процесса (С. 235). Сегодня не до конца ясно, в каком именно направлении он пойдет дальше, какие силы возобладают при формировании “мировой повестки”, как мировой финансовый кризис отразится на расстановке сил в грядущем мире? В этих условиях Россия и Китай, с учетом уже имеющегося опыта сотрудничества в Совете Безопасности ООН, других глобальных проектах, должны более эффективно и слаженно отстаивать формирование многополярного мира, противодействовать мировому финансовому кризису, бороться против традиционных и нетрадиционных вызовов и угроз за поддержание мира, обеспечение развития и стабильности.

Одним из ключевых факторов глобального влияния остаются США. Автор, характеризуя особенности позиционирования США на мировой арене, выделяет две особенности. С одной стороны, США имеют такой же статус и те же задачи, что и остальные государства международного сообщества (расширение торговли, обеспечение безопасности и др.) и в этом смысле они де-юре не могут иметь каких-то особых, исключительных привилегий. С другой — США демонстрируют наличие у себя империалистических целей и задач, постоянно пытаясь реализовать свое “стремление к мировому господству” (С. 325). Хотя администрация нового президента Барака

Обамы и заявляет о неких новых подходах в международных делах (по России, Ираку, Афганистану, Ирану и другим), по-видимому, подобный дуализм в американской внешней политике сохранится, но изменятся ее методы. Возможно, что открытый, силовой империализм, который демонстрировала предыдущая американская администрация Дж. Буша, будет заменен на завуалированную стратегию “сдерживания и проникновения”.

В этих условиях актуальной задачей для Китая остается сохранение комплексного диалога с США (в рамках двусторонних форматов), а для России такой задачей является интенсификация контактов с США, в частности, по вопросам ПРО в Восточной Европе, проблемам стратегических наступательных вооружений (СНВ) и др. В данном контексте целесообразно было бы уже сегодня (на экспертном уровне) начать обсуждение комплекса глобальных и региональных вопросов в рамках треугольника “РФ—КНР—США”. Учтявая заметное празднование 30-летия китайско-американских дипломатических отношений и предстоящий 60-летний юбилей установления официальных дипломатических отношений КНР с СССР/Россией, можно предположить, что 2009 г. мог бы стать годом начала нового политического диалога, полезного как для всего мира, так и непосредственно для трех великих государств — США, РФ и КНР.

Региональные измерения российско-китайского партнерства, подробно проанализированы автором на основе исследования международных процессов в: а) Азиатско-Тихоокеанском регионе (С. 408—415, 415—423, 423—444); б) на пространстве Шанхайской организации сотрудничества (С. 444—476); в) в зоне “треугольника” Россия — Индия — Китай (Разд. V. С. 476—524); г) на Корейском полуострове (Разд. VI. С. 535—591).

Важность пространства АТР для России и Китая обусловлена тем, что здесь несмотря на бушующий финансовый кризис продолжает стремительно формироваться новый центр мировой экономики и политики. Россия, как отмечает автор, активно вовлекается в интеграционные процессы в АТР: она, “после некоторых раздумий” вступила в АТЭС, участвует в Региональном форуме АСЕАН по безопасности (АРФ), в экономических структурах для Азии.

В работе отмечается, что существует

ряд препятствий для более активной интеграции России в процессы названных направлений, в том числе искусственно созданные рядом западных стран (США) и их военно-политическими союзниками в Азии. Так, Россию не первый год исключают из списков кандидатов на вступление в форум лидеров “Азия — Европа” (АСЕМ — структуру, объединяющую ЕС и 10 стран АТР, включая Китай, Японию и Южную Корею). Автор подчеркивает, что отказ нашей стране во вступлении в форум выглядит явно несправедливым, так как именно российское государство и в географическом, и цивилизационном отношении является реальным “мостом”, соединяющим Европу и Азию. Одновременно России отказывают во вступлении в Азиатский банк развития (АБР), ссылаясь на “западный” (европейский) характер российского государства. Складывается впечатление, отмечает М.Л. Титаренко, что РФ стихийно вовлекается лишь в те интеграционные процессы, участие в которых отвечает в первую очередь интересам контрагентов России в Восточной Азии и АТР и в меньшей степени — интересам самой РФ (С. 358—359).

Экономическое присутствие Китая в регионе — более стабильное и системное. Пекин — участник и один из инициаторов проектов АСЕАН+1 (КНР), АСЕАН+3 (Япония, Южная Корея, Китай), КНР — РК — Япония и других.

Региональное взаимодействие РФ и КНР в Центральной Азии в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) осуществляется по широкому спектру вопросов политико-экономического взаимодействия, включая борьбу против “трех зол” (терроризма, экстремизма и сепаратизма). Поскольку Центральная Азия объективно становится одной из основных арен соперничества ведущих мировых держав, в работе особое место отводится проблематике безопасности в спектре интересов ШОС (С. 447—448).

Несмотря на всю важность оборонной активности ШОС, одной из важнейших задач этой организации ныне является использование ее возможностей для содействия экономическому прогрессу и социальной стабильности центрально-азиатских государств — участниц Шанхайской группы. Китай располагает возможностями, чтобы заинтересовать страны региона в сотрудничестве с ним как покупателем неф-

ти и газа и инвестором в их экономику. В 2004 г. китайское правительство выделило почти 1 млрд долл. для реализации экономических проектов в странах ШОС. Одновременно в организации развиваются коллективные (с участием трех, четырех и более стран-членов ШОС) проекты экономического сотрудничества. Автор указывает, что действуют Программа многостороннего экономического сотрудничества в формате ШОС и Комплексный план по ее реализации, в рамках которого определены 127 проектов, охватывающих энергетику, транспорт, торговлю, телекоммуникации, экологию, сельское хозяйство, научные исследования и другие области. Сложился механизм политического взаимодействия (С. 456). После нескольких лет организационного становления ШОС приступила к строительству крупнейшей в мире системы регионального сотрудничества нового типа, основанной на принципах соразвития (С. 468).

Региональный контекст трехстороннего сотрудничества России, Индии, Китая сложился в начале XXI в., когда идея этого взаимодействия из формата свободных научных дискуссий стала постепенно переходить в институционализированные рамки так называемой третьей переговорной “дорожки”. Раздел V (С. 476—524), который полностью посвящен данной проблеме, имеет свою предысторию. Инициатором процесса широкомасштабного научного диалога ученых России, Индии и Китая выступил Институт Дальнего Востока РАН и лично его директор М.Л. Титаренко. В результате, на базе регулярных конференций, проходивших в период 2000—2008 гг. поочередно в России, Индии и Китае, была разработана концептуальная основа трехстороннего сотрудничества, выявлены потенциально сильные стороны и одновременно уязвимые, слабые места формирующегося треугольника. Выводы, обобщения и предложения ИДВ РАН были использованы руководствами трех стран как в процессе двух- и трехсторонних переговоров, так и при подготовке итоговых документов (коммюнике, заявлений) по вопросам трехстороннего сотрудничества.

В работе автор обобщил опыт восьмилетнего интеллектуального общения ученых трех стран, выделив следующие особенности.

1. В российско-индийско-китайском взаимодействии присутствует фактор геоэкономической взаимодополняемости сто-

рон в Евразии. Для России, не имеющей с Индией общих границ, эта страна представляется одним из наиболее предпочтительных партнеров, с которым легко найти общий язык по глобальной и региональной проблематике.

2. Россия, Китай и Индия имеют сходные, либо близкие позиции по урегулированию ближневосточного кризиса, иранской и афганской проблемам, вопросам развития Центральной Азии и др.

3. Международно-политическую специфику данной системы можно обосновать внеблоковым характером существующего в ней партнерства, нацеленного на отстаивание совпадающих или близких внешнеполитических приоритетов. Эта трехсторонняя структура направлена на формирование системы прагматичного взаимодействия и сотрудничества в торгово-промышленной, научно-технической, культурно-гуманитарной и других областях.

4. Объективной предпосылкой углубления трехстороннего сотрудничества является нарастание современных глобальных и региональных вызовов в основных сферах международного взаимодействия, которым легче противостоять на коллективном уровне. Политическая и экономическая кооперация трех гигантов, так или иначе, позволяет минимизировать либо полностью нейтрализовать ряд негативных последствий глобализации, проявлений терроризма и экологических проблем.

5. Китай, имея общие границы и с Россией, и с Индией выступает в роли естественного “моста” между российской и индийской экономиками, что может быть использовано всеми сторонами на взаимовыгодной основе.

6. Основные возможности экономического сотрудничества трех стран лежат в сфере пока не использованных трансконтинентальных проектов строительства железных и шоссейных дорог, нефте- и газопроводов, соединяющих Центральную, Северо-Восточную и Южную Азию. Россия и Индия уже имеют опыт сотрудничества в освоении месторождений нефти на Сахалине. РФ осуществляет проекты по сооружению газо- и нефтепроводов в Китай. Большой потенциал сотрудничества имеется и в научно-технической сфере: у каждой из трех стран есть, что предложить в этой области, а также в сфере использования китайской и индийской рабочей силы для освоения российского Дальнего Востока.

Двусторонние отношения РФ и Китая, как известно, базируются на фундаментальной юридической основе российско-китайского взаимодействия, включающей в себя тысячи документов и обеспечиваемой благодаря работе десятков межведомственных комиссий и структур. Ключевым политическим актом стало подписание в Москве В.В. Путиным и тогдашним председателем КНР Цзян Цзэмином Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г. В концептуальном плане дружественные отношения между двумя странами строятся на основе “трех “не” — неконфронтационность, невступление в союз, ненаправленность против третьих стран (С. 240).

Книга содержит обширный аналитический материал по двусторонним отношениям, резюмируя который, можно выделить пять факторов и предпосылок существующего успешного стратегического партнерства РФ и КНР, которые основываются на следующих обстоятельствах:

1. Развивая отношения с КНР, Россия учитывает неуклонно растущую совокупную мощь Китая и быстрое превращение его в одну из мировых сверхдержав. РФ ценит возможность сотрудничества с таким авторитетным членом мирового сообщества, как КНР, а Китай уважает роль и интересы России на международной арене.

2. Чтобы поддержать высокие темпы своего развития, КНР необходимо значительное количество энергоресурсов, для получения которых она налаживает сотрудничество с различными странами, в том числе с Россией.

3. Структура экономики, структура рыночного спроса и предложения товаров у России и Китая по многим показателям являются взаимодополняющими, а не конкурирующими.

4. Взаимодополняющими по ряду направлений являются и стратегии двух стран в экономическом развитии Сибири и Дальнего Востока России, с одной стороны, а также подъема отсталых районов китайского Запада и старой индустриальной базы на Северо-Востоке КНР — с другой.

5. В формате двусторонних связей Россия учитывает активный интеграционный опыт КНР в АТР в плане стремления РФ также расширить свое политико-экономическое присутствие в Азии и на Тихом океане (С. 239—240). Последнее замечание особенно актуально сегодня в связи с подготовкой российским руководством саммита АТЭС—2012 под Владивостоком.

Завершая обзор книги М.Л. Титаренко, следует подчеркнуть одну из идей, которая по ходу развертывания сюжетов работы превратилась в целостное отражение автором его видения места и роли РФ в мире. “Я по прежнему настаиваю, — пишет академик М.Л. Титаренко, — что для внутреннего и международного благополучия необходимо последовательно придерживаться принципа равновесия, равнозначности внимания как западному, так и восточному азимуту внутренней и внешней политики. Другими словами, неуклонно следовать евразийской геополитической идентичности России” (С. 7).

Таким образом, научное и экспертное сообщество не только России, но и многих других стран получило новый фундаментальный труд, своеобразную аналитическую энциклопедию российской политики в Восточной Азии. Книга, без сомнения, станет настольной для ученых-политологов, практических работников государственных структур, преподавателей, профессоров, аспирантов, студентов, всех тех, кто интересуется внешней политикой России, Китаем и другими восточными странами.

С.Г. Лузянин,

д.и.н., проф., заместитель директора по науке ИДВ РАН,
руководитель Центра стратегических исследований СВА и ШОС ИДВ РАН

-
1. См.: Титаренко М.Л. Евразийство и цивилизационность // Проблемы реинтеграции постсоветского пространства: экономические и политические аспекты. Т. 3. М., 2007. С. 157—158, 159; Он же. Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 27.